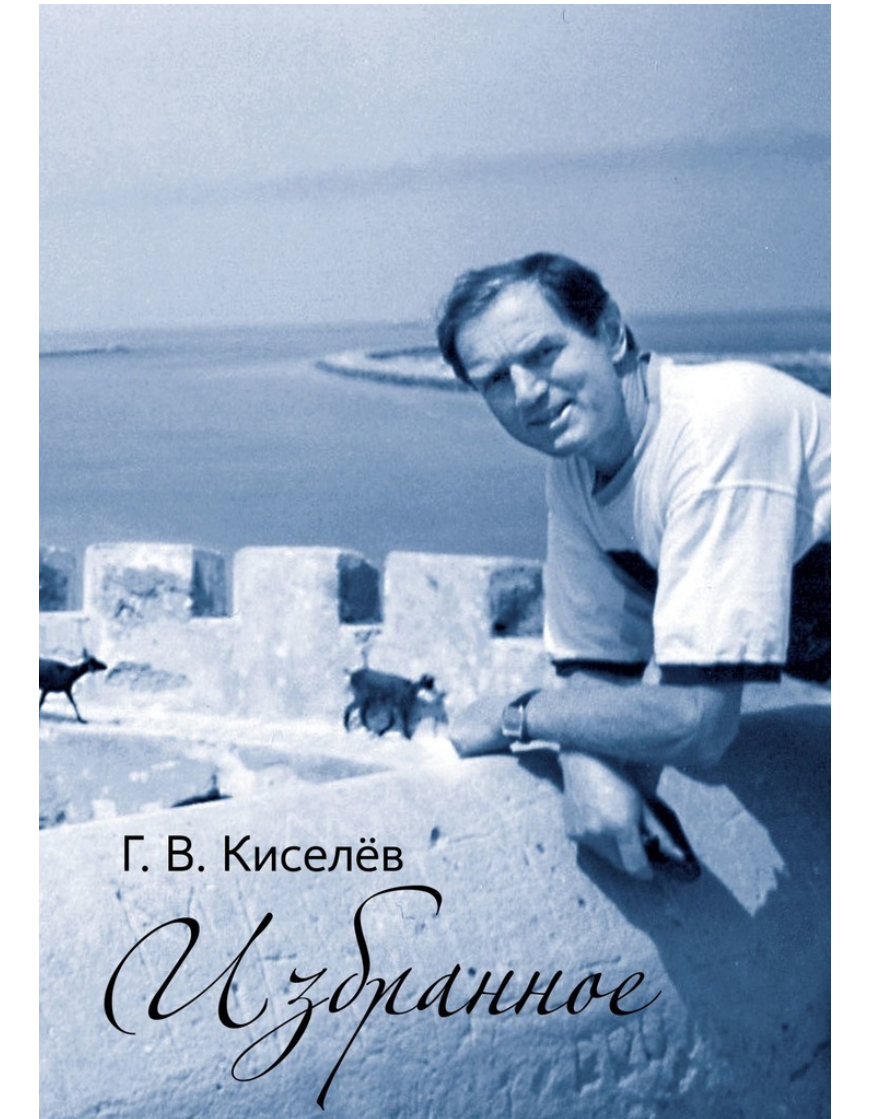

A color photograph of a man with dark hair, wearing a light-colored short-sleeved shirt, leaning over a stone wall. He is looking towards the camera with a slight smile. In the background, there is a body of water, a distant island, and several goats grazing on the wall and ground. The scene is brightly lit, suggesting a sunny day.

Г. В. Киселёв

Избранное

Геннадий Васильевич Киселёв

Избранное. Поэзия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66107954

ISBN 9785005363084

Аннотация

Книга стихов Киселева Геннадия Васильевича о юности, службе во благо Отечеству, о любви к Родине, матери, природе России. О любви.

Содержание

На Северном вокзале	5
Рыбий хвост	7
Мне в партию по плечу	9
Новый пилот	11
Памятники	13
Набат	15
Ты прочти и прости	16
Ты подожди и я вернусь	18
Письмо дочери	20
Две сосны	21
На смерть мастера	23
Семнадцать	24
Шестнадцать	26
Памяти Высоцкого	28
Ушедшие годы	30
Недоносок	32
Рифма в окно	34
Метро	35
Ты прочти и прости	36
Тургаяк	38
из Парижа в Париж	39
Письмо другу	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Избранное Поэзия

**Геннадий
Васильевич Киселёв**

© Геннадий Васильевич Киселёв, 2021

ISBN 978-5-0053-6308-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На Северном вокзале

Париж. На Северном
вокзале

Асфальт слезами нашими
изрыт.

Здесь многих русских
проводжали.

От Ваших проводов душа
болит.

Для нас Вы брат и друг —
– Отец.

Сегодня боль наших
сердец

В Москве и Вы там вместе
с нами.

Поверьте будем вместе
с Вами

Творить. решать
и созидать,

А если нужно жизнь
отдать

Одно на всех нам будет
знамя!

Париж. На Северном
вокзале

Асфальт французский вместе
с нами
Слезами русскими
умыт.
Карьеру сами
не искали
И вот она так
высока!
Её в войну Вы
начинали
Мальчишкой у токарного
станка.
Париж! На Северном
вокзале
Асфальт слезой
умыт.
Запомнят все, кто
проводжали
Посла! Душа у всех
болит.

1991г. Париж

Якову Петровичу Рябову посвящаю.

Рыбий хвост

Мы говорим: «коррупция!»
И говорим «рынок!»
Песни о Революции
Сменились звоном бутылок.

Клялись коммунисты в честности,
Стучали в грудь кулаком.
Партийные деньги ушли в неизвестность
Остался мужик опять дураком.

А что же бывшие коммунисты?
Ужели опять нашу кровь сосут?
Нет, они маски сменили – артисты!
Послы, депутаты – службу несут.

И если у Паши один «мерседес!»
У Васи, посла, их три.
Один в карман солдата залез,
За эти просто в оба смотри.

Если Паша любит солдата,
То Вася просто любит людей;
Он запросто может нашего брата
В море послать на ловлю угрей.

Дружно живет Посольство в марокко:
Ни сеет, ни пашет, в будни и в пост.
Прогнозируя время, совсем недалекое.
Флаг российский заменит рыбий хвост.

1995г. Рабат

Мне в партию по плечу

Вы думаете хочу
Кусок себе жирный урвать?
Мне в партию по плечу
Так мне сказала мать!

Так хотел мой отец
Защищая наш кров.
Жизни его конец —
На Невском его кровь!

Отец никогда не врал
сына беречь завещал.
Дед мой зимний брал
Был у истоков начал.

Встретились на планете
Мертвые и живые.
Деды, отцы и дети
Мира нового часовые.

Три поколения рекомендаций.
Пусть будет завидовать кто то другой.
Отец и дед Вам не до оваций.
Спасибо, верьте, я то же такой.

Вот Вам на стол моё заявление.
Скажите, поздно? Да, это так.
Погибшие, верьте, моё решение
Созрело с Вами в вихрях атак.

Имею полное право морально
С детства себя коммунистом считать!
А выданный Вами билет формально
С честью носить, в боях защищать!

1975г. Москва

Новый пилот

Тише друзья! Садитесь рядком.
И позвольте начать.
О том, как родился Женья Прядко
Лет тому сорок назад.
Дальний восток. Яркое солнце
Льёт из за горных вершин.
Маленький дом, золотое оконце,
А за окном рождается сын.
Его отец – один в самолете,
Со смертью боролся один на один.
А самолет, в последнем полете,
На лес и сопки сливал керосин.
Можно садиться, баки сухие,
Близок бетон полосы.
Где то жена и сын дорогие-
Там внизу, где жемчуг росы.
Ну, с богом! Пошел! налег на штурвал,
Резко сменил высоты эшелон.
Знал, что дотянет, что сядет знал.
И вот, под металлом машины бетон.
Откинул фонарь, шатаясь вышел.
Понял, что снова пойдёт в полет.
Объятья друзей, от них услышал,

Сын родился! Новый пилот!

*Пилотам Сушек
посвящается*

Памятники

Мы с Долматовским встретились случайно,
Банальный уготовлен был сюжет.
Приваловы нас угощали чаем.
Морщил лоб известный наш поэт.

Он на меня смотрел как на микроб,
(а может просто так казалось).
Лицо простое, но огромный лоб.
В нем Эйфелева башня отражалось.

А вечер правда необычным был.
Здесь кажется и время сжалось,
В тумане силуэт от башни плыл.
И время в складках лба поэта задержалось.

У переносья облаком сошлось,
А мне на Шаболовке Шуховской казалось,
Застойным временем в душе отозвалось —
От Шуховской лишь тень осталась.

В Париже лечимся душой,
К чему ж родных пенат забвеньё?
Когда же соотечественник мой
Научимся хранить своих людей творенья?

Не получили мы сполна
Что уничтожили для строек?
Чугун и сталь Бородина
Не восстановишь перестройкой.

А надо бы иметь одну
Историю, что свята!
Хранить историю свою
Так это просто и понятно!

Е. Долматовскому. 16.04.1989г.

Набат

Друзья мои, осталось Вас не много.
Вы коммунисты все, а я простой поэт.
Теперь мы вместе верим в бога.
И сколько нам отпущено на это лет?
Друзья мои, осталось нам не много,
история свое вращает колесо.
Уйдут и коммунисты верящие в бога.
Проснуться люди от оков и снов.
А сколько нас сгноили по Гулагам?
И где ты был любимый наш Христос?
Мы в Магадане жизнь отдали драгам,
детей и жён, не дуя в нос.
Теперь тебе соборы строим.
и причитаем "Господи спаси». спаси.
Молит народ» повыше вознеси». .
Куда уж выше, меч поднял на брата
и кровную уж восхваляет месть.
А «инопланетяне» рады.
Звонят колокола, а жертв не счесть.

20.07.2019г. Москва

Ты прочти и прости

Я пишу для тебя,
За листочком листок,
Но не знаю, читаешь иль рвешь?
Не боюсь за себя. Умоляю тебя,
ты прочти и тогда всё поймешь.
не устал ожидать, продолжаю писать
безответные письма свои.
Как мне много сказать, но тебе не понять
о моей неземной любви...
Ты прости, я прервусь.
За фантомом фантом,
и свеча уже еле горит.
Только вспомни, а я отзовусь, отзовусь,
Я ещё не убит, не убит.
Ты сейчас далеко,
где лазурная высь
над просторами белых полей.
Умоляю тебя; отзовись, отзовись,
и поклон передай России моей.
Помню встречи в метро.
За вагоном, вагон
уносился в подземную даль.
Помню вместе в кино, твоё грело плечо
на плечах пушистая шаль.

Ты прости – рассвело.
За фантомом. фантом.
Видно так суждено —
Я оставлю письмо на потом.

1980г. Багдад

Ты подожди и я вернусь

Я помню первую разлуку
с тобой моя Россия!
К тебе протягиваю руки,
в березовые сины.

Как далеко земля моя!
как труден путь к тебе!
Ведь без тебя, что значу я?
О, ты манишь к себе.

И запах трав, и снега блеск,
шальных ветров, мороза треск.
О, помню первую грозу,
в весеннем кунцевском лесу.

Ты подожди, и я вернусь!
С корзиной по грибы пройдуся,
босой по утренним лугам,
не дам я отдыха ногам.

Ты подожди, и я вернусь!
По снежной целине промчусь.
Увижу льдов весенний ход!
Зари встречать буду восход!

У тихой заводи пруда.
из пелены тумана.
Ты снова выйдешь, как тогда,
маня изящным станом.

А первый луч едва порвал
тумана пелену,
во влажных волосах играл,
Я был в твоём плену.

В твоём плену, моя береза,
кудрявая и стройная!
Багдада пальма, или розы.
не заслонят родную. белоствольную.

1983г. Багдад

Письмо дочери

У нас, моя дорогая, тепло.
У Вас зима, морозы трескучи.
От белых снегов светлым-светло.
В Багдаде дождливое небо в тучах.
На окнах у Вас морозным узором
Мороз начертал ветви раkit.
А перед моим тоскующим взором
Могучая стройная пальма стоит.
В тепле, под шелест её ветвей
Мне снится белое, снежное поле.
А я наяву ловлю снегирей,
Погрев их в руках, отпускаю на волю.
Ах, милая дочка, во сне я вижу,
По старой просеке, вниз, к реке,
Несут тебя мной смоленные лыжи,
И красный твой шарф трепещет в руке.
Кричишь, «я такой трамплин нашла, папа,
Что метров десять можно лететь.»
Сквозь сон, раздвигая елей лапы,
Хочу поближе тебя разглядеть.
Но тысячи верст, глухие леса,
Мне мешают к тебе долететь.

Две сосны

Мама, те две сосны,
Которые я сажал.
Мне часто приходят в сны.
Беречь Вам их завещал.
Прошло уже тридцать лет.
Их рост наш с тобой успех.
Живы они, или нет?
Слышат ли Ваш они смех?
Мама, те две сосны,
Помнишь их я принес?
Из леса, где эхо войны
Спалило стволы берез.
Помнишь, такой момент,
Как в засуху их поливали?
Теперь они монумент.
А мы с тобой старыми стали.
Чаще на них смотри.
И душой не старей.
Слезы платком утри.
Сосны напомним детей.
Жизнь коротка, нет места сомненьям.
Зимой и с приходом весны.
Пусть радуют глаз другим поколениям.
Наши с тобой две сосны.

1982г. Багдад

На смерть мастера

Вчера и мозг его угас
А раньше руки золотые.
могильная плита от нас
Не заслонит его дела земные.
Гитары струны он не рвал,
Мир не пытался изменить.
металл руками просто брал
И жил металл, так есть и было.
Храните люди, все, что он создал.
Как то кино, которое снимал
Чтоб вечно на экранах жили.
Чтоб вещи, что дарил и раздавал
Как солнце для людей светили.
Живите люди памятью о нем.
В годину самых тяжких испытаний,
Ненастной ночью иль погожим днем
не уставал он жить в труде исканий.

Семнадцать

Семнадцать лет тому назад
Я шёл по утренней Москве.

В ту ночь из всех мирских наград.
Одна досталась мне.

Был счастлив Я, и был бойцом.
Шагая по Москве всю ночь,
Я старше стал, я стал отцом.

И получил в награду дочь.

Пустынны улицы – во сне.

От Велозаводской до Битцы.
Я по Варшавскому шоссе
Пустился в путь как птица.

Рассвет едва лишь заалел,
Вот фонари погасли сами,

А я на город свой смотрел.
Смотрел счастливыми глазами.

Дома, заводов корпуса.
Затихшие как перед боем.
Травы прохладная роса.
Ряды трамваев четким строем.

Москва рабочая спала.
Под утро, на исходе ночи
Людей к станкам она ждала.
И родился ещё рабочий.

Дочери

Шестнадцать

Шел третий год Нового Века
Апрель, солнце уже в зените.
Земля вздохнула от быстрого бега
И получила Нового человека.

Он крошечный был
Сильно сопел.
Соску любил.
Ничего не умел.

А солнце рыжее палило,
Ребенок продолжал сопеть.
Оно светило и светило
Успел ребенок загореть.

И граммы набирал он быстро,
Был шустр и очень мил.
С прической рыжей, золотистой
А каши не переносил.

Ну что сказать о человеке,
Когда ему 16 лет?
Айфон, учебник, школа – вехи!
И папы строгого завет.

Успехи в школе, жизнь в машине,
Водитель – мама за рулем.
Любовь к английской чертовщине,
А не погоня за рублем.

Высокий лоб, открытый взгляд.
Нос ровный без горбинки,
А на щеках веснушки в ряд,
Жемчужны зубы без щербинки.

Внуку 2019г.

Памяти Высоцкого

Ах Володя, Володя!
Боль народа России!
Был ты честен и молод
Но отдал рано силы.
Еще юным был взрослым,
Велик и красив.
Гребли твои весла
На пределе сил.
Хриплый твой голос
Звучал как набад.
Ты держался как колосс
Прошедший сквозь град.
Дай пожать твою руку
Майор Жеглов.
Боль утраты, разлуки
Недосказанных слов.
Взял бы гитару
Сыграл на басах!
Сегодня, Володя,
Обвалы в горах!
Ты бы помог до хребта
Дотянуть!
Руку друзьям в беде
Протянуть.

Знали, Володя, дорога твоя
Там, где нехоженная колея.
Жаль так рано с неё сошел
Путь себе более легкий нашёл.

25.08.1980г.

Ушедшие годы

Опять мы с Вами одни.
За окном сиреневый вечер.
Тихо проходят дни.
Никто из нас не ждет встречи.

Все в прошлом, ушло как дым.
Жизнь, как в тумане огни.
Были друзья, остался один
И кто озарит последние дни?

Случайные люди, последние встречи?
К чему и зачем они?
В этот тихий, сиреневый вечер.
Тихо, тихо проходят дни.

К чему и зачем печаль?
Ушло, что было так просто.
А рядом – весенняя даль.
Рядом – вершины для роста.

Лишь годы ушли, всё просто,
Рядом – весенняя даль.
Нет больше сил для роста
Тишь и моя печаль.

Недоносок

Осенний, желтый лист осины
Курлычат стаи журавлей.
Бездонной выси небо сине
Над нивой скошенных полей.

Вожак, высоко в небе строит
Заблудшей стаи хоровод,
Он знает, кто и сколько стоит.
И видит свой пернатый род.

Всё это видел недоносок,
Могучей стаи, взмахи крыл.
Взлетала стая, он с откоса
Хотел лететь. Но где взять сил?

Летела стая, он с откоса
Махал им немощным крылом.
Но миг настал и вдруг с утеса,
Взлетел журавль, простясь с пером.

Летел один, высоко в небе
На дальний журавлиный крик.
Крестьяне с думами о хлебе
Глядели в след, ломая лик.

А он летел! Не видя стаи,
Едва угадывая зов!
Но звуки стаи нарастали,
Он слышал их среди миров.

Сломался клин, сломалась стая
И нет пути среди дорог.
Один он, к стае подлетая
Увидел, кто и сколько мог.

Он видел братьев, что сломались,
Увидел слабость мышц и крыл
И понял что ему досталось
Ломать и строить новый клин.

Рифма в окно

Смотрю на чернила в моей ручке
Они кончаются, писать не дано.
А может быть просто. не тот случай
Проще чернила сменить на вино?

Тысячу нет, и не надо чернил
Только бы рифма вошла в окно!
Я бы писал из последних сил
Кровью писал бы, а не вином!

Чернила пустое, они ушли.
Бумага истлеет, но память жива!
Хочу что бы строки мои могли
Понять и услышать. народ и страна!

Метро

Лента эскалатора, Парк Победы.
Тысячи людей едут, едут.
Всё ищу тебя в этот вечер.
Яркий свет глаз твоих я не встречу?
Видно так и пройдет этот вечер.

Ты прочти и прости

Ты прочти и прости, моя радость!
Я уже не певец, не певец.
Только памяти дивная сладость
Наших юных, остывших сердец!

И уже я не тот, моя радость.
Даже ты мне не в силах помочь.
Позабыл я лобзаний сладость,
Помню ту августовскую ночь!

Помню я звездопад ночью тихой.
Помню сердца волнующий стук.
Мне Ока казалась великой
И как сердце забилося вдруг.

Хороша была и румяна.
Я тебя полюбил навсегда!
И та ночь осталась пьяной
Как истории нашей года.

Я ещё люблю – моя радость.
Пусть уже не певец, не певец.
И любви не трогает старость
Наших юных, остывших сердец.

Тургаяк

Трудно в военные годы мы жили.
Фашизм агонировал, отступал,
Но дети учились и в школу ходили.
И вот День Победы желанный настал.
В далеком – уральском селе Тургаяке
Которое трудно на карте сыскать
Вырос мальчик, его знает всякий,
Но тяжек труд о нем рассказать.
В то время, когда танцевали фокстроты
Под старый, заезженный патефон
Отцу сказал совсем юный Зотов
«Папа, я буду работать в ООН».
Учился упорно – высшая школа,
Затем академии тяжкий труд.
Попутно был мастером водного поло —
Такого санкции не согнут.

Сотруднику ООН РФ

из Парижа в Париж

Послание доктору Геннадию Киселеву.

Нет, время не минуты не простило
Своей тревоги и своей тоски.
Да, мы в Париже, но болит затылок
И постоянно давит на виски.

Ряды тюльпанов – черных, алых, рыжих,
И старики играют в карамболь.
Да мы в Париже, а у нас в Париже
Своя с собою головная боль.

Все эти магистрали и бульвары
Приводят в удивленье и восторг,
В достатке здесь еда и промтовары
Не слабже «гастронома» иль «мосторг»

Нет от таких сравнений я не ною
И, кажется, практически здоров
Отделяюсь болью головною
От сосуществованья двух миров.

А мне всего важней, всего дороже
Здесь встретить друга жесткую ладонь,

Лишь только дружба просветить поможет
Гудящей голове моей седой.
Московский мой Пегас, мой старый мерин,
Катай у башни Эйфеля детей,
А мы тебе давление замерим —
Встречают так во Франции гостей.

В затылке перестройка, пятилетки
И прочие домашние дела.
Спасибо, Вам, Геннадий за таблетки —
Вот головная боль почти прошла.

Париж

16.04.89г. Евг. Долматовский.

Письмо другу

Старая дорога, пыльные кусты,
васильки. ромашки – дикие цветы.
Запах сена мятный с парным молоком.
Тонкие березки на горе рядом.

Алые закаты, майские жуки.
Сверстники ребята – верные дружки.
А в июне белый, тополиный пух.
Помнишь ли об этом, мой далекий друг.

Осенью над домом журавлиный крик.
Их полет свободный, их широкий мах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.